

Наталья Игнатова

Путь в Дамаск

Вампирский цикл

12+

Наталья Игнатова

Путь в Дамаск

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Игнатова Н.

Путь в Дамаск / Н. Игнатова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Повесть из "вампирского" цикла. Совсем не обязательно благие намерения приводят к печальным последствиям. И не всегда хорошо быть родственником влиятельной и известной личности. Но всё же обычно благие намерения не доводят до добра, а влиятельные родственники как раз наоборот.

© Игнатова Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	20
-----------------------------------	----

Примечание:

В переносном смысле выражение «*Путь в Дамаск*» обозначает поворотный пункт, водораздел – событие, знаменующее уникальную или важную историческую перемену.

Окон в серверной не было, но были мониторы, позволяющие следить за всем, что происходит на улице возле «Турецкой крепости», в ее дворе и во внутренних помещениях. Мониторам этим в серверной тоже было не место – по внутреннему уставу изображение с камер выводилось на пост дежурного, а вовсе не в подвалы, где несли еженощную вахту два гения, выполнявшие обязанности системного администратора и программиста, но поскольку Хасан никогда не запрещал им просматривать видеозаписи, Заноза считал, что наблюдение за происходящим в «Крепости» и вокруг нее в реальном времени тоже не нарушает никаких правил. И, вообще, когда за порядком и безопасностью, кроме вахтенного Слуги присматривает еще и внимательный упырь, порядок становится куда безопаснее.

Тихо курлыкнул сигнал, сообщающий об открытии входной двери. Заноза бросил взгляд на монитор и не удержался от изумленного:

– Охренеть!

– Что? – тут же напрягся Арни, который терпеть не мог, когда что-то нарушало покой их мертвецки-тихого бункера.

Заноза и покой были несовместимы, но создаваемую им движуху Арни приветствовал. А кто бы не приветствовал апгрейд компьютеров и всякого рода эксперименты по модернизации электроники, заполняющей «Крепость» от чердака до подземелий? Если отвечать на вопрос честно, то никто, кроме Арни в восторг от этого не приходил. Но, опять же, Хасан не запрещал, так ведь? А что не нельзя, то, по-любому не только можно, но и нужно.

Иное дело – беспокойство извне. Любой намек на вероятность полевой работы вводил Арни в то раздраженное состояние, когда без четких указаний не знаешь, чем заняться, и не понимаешь, что лучше – чтоб указания, наконец, поступили, или чтобы ничего не происходило и никуда не надо было ехать, бежать или стрелять.

Визитер, тем временем, вышел из поля зрения уличной камеры, чтобы тут же попасть под прицел камеры внутренней, следящей за холлом и постом дежурного.

Безоружный юный брэнет, одетый слишком хорошо для своего возраста. Как-то ненормально хорошо одетый. Ну, кто в семнадцать лет носит дорогие костюмы, галстуки и, мать твою, запонки? В смысле, кто это делает в двадцать первом веке в Лос-Анджелесе, штат Калифорния на планете Земля?

– Родственник Хасана, – сказал Заноза.

Арни изумился не меньше, чем он сам десять секунд назад:

– Чего?! Какой еще родственник?!

Вопрос был из тех, дурацких, с которыми Заноза не всегда знал, что делать. Определенно не риторический, но при этом и не подразумевающий исчерпывающего ответа. Заноза мог бы рассказать Арни о том, что паренек, разговаривающий сейчас с дежурным – не прямой потомок одного из старших братьев Хасана. самого старшего, Кумхура Намик-Карасара. В Турции в тридцатые была ужасная неразбериха с фамилиями, но Хасан и братья выбрали себе одинаковые – имя отца и название родного города. А вот их сестры взяли в качестве фамилии имя матери, и для нормального европейского мозга путаница началась уже на этом этапе, а за восемь десятилетий род успел изрядно разветвиться. Но мозг Занозы никогда не был вполне европейским, его порой и мозгом-то не стоило называть, и занявшись, просто из любопытства, изучением семейной истории своего Турка, он эту путаницу принял с энтузиазмом, которого заслуживала любая интересная задача. Чем дело сложнее – тем оно лучше, разве не так?

В общем, сегодня в «Турецкую крепость» явился Майкл Атли, младший из трех сыновей Дэвида и Камиллы Атли. Его старший брат Эйдан – средний из трех – обручился с некоей

Берной Лал, и скоро должна была состояться свадьба. Но интереснее всего было не это, а то, что мисс Лал принадлежала к одной из ветвей семьи Хансияр, жены Хасана. Выяснив, что они хоть и не совсем родня, но и не вполне чужие, Эйдан и Берна загорелись вполне объяснимым желанием узнать историю клана, заразили остальных, и вот уже полгода вся молодежь Атли и Лалов разыскивала родственников с азартом гончих, вставших на свежий кровавый след.

Свадьба из события для двоих страдальцев превратилась в повод восстановить утраченные связи. А Хасан, похоже, попал под удар. Странно было бы не попасть, когда носишь фамилию родоначальника...

Арни смотрел. С недоумением. И ожиданием.

– Дальний, – сказал Заноза. – Очень дальний родственник.

Ответ оказался удовлетворительным.

– Уилл, поднимись сюда, – распорядился селектор голосом Турка.

Записывающей аппаратуры у него в кабинете не было, туда люди и нелюди приходили с вопросами настолько деликатными, что о записи – хотя бы о гипотетической возможности таковой – и думать не стоило. Но селектор, понятно дело, был. Против него Хасан, при всем своем ретроградстве, не возражал. В его времена селекторы уже использовались.

Для Занозы, надо сказать, те времена были эпохой невиданного технического прогресса. Может, поэтому он и втянулся? Понесся дальше вместе со спятившим человечеством, все набирая и набирая скорость. Чем больше появлялось в мире удивительного, чем больше удивительного о мире выяснялось, тем большего ему хотелось. Гонка, которая не закончится никогда, в которой процесс важнее и интереснее любого результата.

А Хасан предпочел остаться в сороковых, и его всё устраивало.

И, кстати, о возрасте...

Доступная для людей информация о Хасане включала Уильяма Сплиттера. Он был неотъемлемой частью любой информации о Хасане, доступной людям и нелюдям. И это правильно, иначе быть не могло. Но выглядел он так, будто в девяносто четвертом, когда они переехали в Алаатир, еще не родился.

Нелюдей это не беспокоило, а вот людям не стоило давать лишние поводы удивляться, поэтому дежурная коробка с гримом всегда лежала в ящике стола на тот случай, если придется встречаться с кем-нибудь по делам дневной смены.

Всего несколько мазков тональным кремом разных оттенков, *et voilà* – плюс пять лет возраста. На большее без специальных дайнов или иероглифов рассчитывать не приходится, но и пяти вполне достаточно, если вести себя как нормальный, а не как обычно.

Мухтар насторожил уши и задержал обрубок хвоста, а потом вскочил и устремился к двери. Заноза обычно выпускал собаку в холл и давал возможность попрыгать и порадоваться на просторе, только потом они вместе входили в кабинет. Сегодня же он ограничился тем, что похлопал Мухтара по лбу и потрепал за уши, а затем скомандовал: «platz!» и пес послушно улегся на свое место.

– Ну, вот, – сказал Хасан, – это лорд Уильям. Можете отдать окунту¹ ему лично. Уилл, это мистер Атли. Он здесь по семейному делу.

Тут же выяснилось, что юный мистер Атли, совершенно не боявшийся собак, не очень подготовлен к встрече с английским лордом. Парень начал с того, что протянул Занозе руку и сообщил, что крайне рад знакомству. В ту же секунду – Хасан практически увидел, как в его памяти, будто в окошках «однорукого бандита» промелькнули все местные стереотипы об

¹ Окунту – турецкое традиционное символическое приглашение на свадьбу. Может быть чем угодно, от сладостей до сувениров.

англичанах – Майкл Атли руку опустил, зачем-то извинился, взял со стола окунту и торопливо проговорил:

– Имею честь пригласить вас на свадьбу моего брата.

Перед тем, как Хасан включил селектор, младший Атли как раз пытался выяснить, уместно ли будет попытаться встретиться с лордом Уильямом, чтобы передать приглашение из рук в руки или правильнее сделать это через Хасана, как члена семьи. Турецкие традиции, английские традиции, европейские традиции, добавьте к ним американские, если такие, вообще, существуют, итогом получите полное замешательство. Атли еще неплохо держался. Воспитанный парень. И семья хорошая.

В английском семействе не стали бы утруждать себя двумя персональными приглашениями, отправили бы одно на два имени. В голову бы никому не пришло, что двое живущих вместе мужчин – совсем не обязательно пара. Семейство же турецкое рассмотрело в первую очередь именно этот вариант. Что значит культура!

– Спасибо, – сказал Заноза.

Заглянул под крышку строгой бело-серебристой шкатулки, хмыкнул, обнаружив там серебряную сувенирную монетку с датой предстоящей свадьбы. Он словно бы и не заметил текста на вложенной в шкатулку открытке. Хасан не сомневался, что Заноза текст не только прочел, но и оценил все нюансы, начиная с возможности прийти со спутником и отсутствия дресс-кода и заканчивая упоминанием о том, что эта свадьба будет особенным и необычным семейным мероприятием.

Один взгляд на монетку, одна довольная улыбка:

– Мы придем, нэ-э? Давай, я прямо сейчас ответы напишу.

Вот кто вообще не беспокоился об этикете. Никогда. Заноза считал этикет своей собственностью и оставлял за собой право распоряжаться им, как заблагорассудится.

Юный мистер Атли улыбнулся и тут же нахмурился, чтоб улыбку не было видно. Он, кажется, одобрял такой подход к соблюдению традиций. В самом деле, зачем тянуть с ответом, если можно дать его прямо сейчас? В этих обстоятельствах достаточно было бы и устного согласия или отказа, но раз уж в шкатулках с окунту лежали специальные формы для ответа, Заноза, разумеется, счел необходимым их заполнить. Обе. Своим великолепным, идеально-красивым и абсолютно нечитаемым почерком.

А потом, отложив перо, уставился на Майкла гипнотическим взглядом:

– Фрисби бросать умеешь?

Мистер Атли, от такого обращения мгновенно превратившийся в Майкла, моргнул.

– Да.

– Пойдем, погуляем с собакой. Тут сквер недалеко.

Дорогой пиджак валялся на траве, галстук висел на ветке дерева. На галстук раскачивался бурундук, взбирающийся наверх всякий раз, как Мухтар проламывался сквозь кусты с фрисби в зубах, и снова спускавшийся на конец галстука, когда пёс уносился за брошенной тарелкой.

Пойти побросать собаке фрисби в ночи с малознакомым вооруженным англичанином – отличная идея! И пусть семь часов пополудни – это еще не ночь, но все остальные факторы в наличии: оружие, англичанин, непродолжительное знакомство.

Алаатир всех сводит с ума, и живых, и мертвых. И даже на местный воздух это не спишешь, мертвые-то не дышат. Бурундук, вон, тоже... зима, между прочим, зимой у них спячка. Но это же Алаатир. Кто тут, вообще, спит?

Бездомные спали. Раньше. Вот в этом самом сквере на скамейках. Но восемь лет назад, когда Хасан с Занозой стали по вечерам выгуливать здесь Мухтара, бродяги предпочли поискать для отдыха более спокойное место. Никто их не обижал, наоборот, с большинством до

сих пор поддерживали отношения: бездомные – народ не бесполезный. Но Мухтар – плохой сосед, если ты хочешь выспаться.

– Такой... классный! – выдохнул запыхавшийся Майкл. Он был в отличной форме, просто-таки идеальный семнадцатилетний американец, однако разыгравшийся пёс-призрак любого живого доконает. – Вы его вяжете?

И в собаках Майкл разбирался. В то, что Мухтар – черный русский терьер, не поверил. А в то, что тот из России поверил вполне. В России был еще тот бардак с породами.

Мухтар со своей стороны продемонстрировал чудеса послушания. Заноза давно уже знал, что это именно чудеса – за восемь лет, прошедшие со дня, когда он подарил Мухтара Турку, о том, что пес выдрессирован как цирковой, им говорили многие, и обычные собаководы, и профессиональные кинологи.

Заноза всем и всегда честно рассказывал про цыганскую магию.

Ему никто и никогда не верил.

– Вяжем. У нас очередь на щенков, но раз уж ты Хасану родственник...

Мухтар в очередной раз вернулся, с уже изрядно растрескавшейся фрисби. Врезался в Занозу, выплюнул тарелку, сплясал танец радости.

Майкл подобрал фрисби, бросил снова, но она раскололась в полете и осыпалась на кусты пятью кусками бесполезной пластмассы. Что ж, недолгая, но славная жизнь лучше длинной и бессмысленной.

– Когда решишь завести собаку, выберешь щенка из ближайшего помёта. И, кстати, о родственниках, ты же не младший в семье, у тебя племянник есть, почему его не отправили с окунту?

– Да мы их, вообще, почтой рассылаем всем, до кого ехать дольше пары часов. Адресов-то... по всему миру. Даже в Китае родственники нашлись. Ну, ты в курсе.

Обмен сведениями, полученными в ходе исследования истории семьи, был формальным предлогом для того, чтоб вытащить Майкла на прогулку. Заноза начал раньше и искать умел лучше, так что ему было чем поделиться. Но и Майкл приятно удивил.

Он тоже умел искать.

– И ты приехал сам потому что?..

– Подумал, что в ноябре неплохо было бы провести пару дней в Калифорнии. У нас уже снег лег.

Майкл встретил взгляд Занозы и отвел глаза. Нет, тут дайны были не нужны. С живыми они почти никогда не нужны.

– Хотел познакомиться с мистером Намик-Карасаром. Из-за «Турецкой крепости».

Заноза не понял, что такого особенного в «Турецкой крепости». В смысле, с точки зрения человека. Живого, нормального, очень далекого от всего сверхъестественного. И имел неосторожность задать наводящий вопрос. Ох-хо... всегда приятно в разговоре вывести собеседника на тему, которая ему интересна, и в которой он разбирается – можно слушать и помалкивать, а если повезет, еще и узнаешь что-нибудь новенькое. Но как не ожидаешь от семнадцатилетнего юнца, что он будет носить запонки, так же не ждешь от него столь искренней увлеченности темой охраны граждан и правопорядка в родной стране и далеко за ее пределами.

Надо ли говорить, что родиной Майкл считал отнюдь не Турцию?

* * *

На протяжении шестидесяти лет посмертия Хасан избегал контактов с живыми, кроме самых необходимых. Это было удобно, безопасно, позволяло избегать лишних вопросов и неловких ситуаций. Но в середине девяностых он выпустил из бутылки общительного джинна с чрезвычайно высоким уровнем социальной адаптации.

Заноза утверждал, что он не джинн из бутылки, а мертвец из склепа, но «коммуникабельный и социально-адаптированный мертвец из склепа» – звучало слишком мрачно даже для Хасана. Иное дело бутылочный джин пятидесятилетней выдержки.

Освобождение джиннов всегда приводит к серьезным изменениям в привычном образе жизни, а зачастую меняет и мировоззрение, об этом гласят легенды, об этом предупреждал Омар, ратун, наставник и мудрец, и это полностью подтвердил Заноза. Он ворвался в мир живых и потащил за собой Хасана, не спрашивая ни разрешения, ни согласия.

Если б спросил, не получил бы ни того, ни другого. Но не так уж оказалось и плохо обзавестись человеческой личностью и становиться иногда живым. Быть воплощением справедливости и смерти пусть и не сложно, когда привыкнешь, но, все же, приедается. Выходы в свет, к людям, которые не боятся тебя, не пытаются задобрить или убить, ничем не выделяют среди других людей – неплохой отдых.

Несколько часов с книгой – куда лучший способ отдохнуть, но поди, объясни это Занозе, которому позарез нужна компания на очередное светское мероприятие.

Аврора, тоже сторонница активной общественной жизни, утверждала, что современная медицина позволяет вампирам существовать среди людей, не вызывая никаких подозрений. Вечная молодость? Долгожительство? Безупречное здоровье? Всё достижимо, были бы деньги. И, так же как Заноза, Аврора всегда была полна идей о том, как насыщенно и с пользой провести свободное время. Времени не хватало: современная медицина всё ещё не давала возможности находиться в нескольких местах одновременно, поэтому идеи не иссякали, наоборот, накапливались и, кажется, размножались каким-то естественным для идей образом. Самозарождались от контактов друг с другом в одной голове. Идеи Авроры хотя бы не включали в себя походы в сомнительные заведения с чудовищной музыкой, драки, перестрелки или истребление себе подобных. Однако по причинам, которые хотелось бы считать необъяснимыми, отказывать ей Хасан умел, отказывать же Занозе не получалось, как ни старайся.

Так что в лице Занозы Аврора нашла единомышленника и хорошо еще, что не инструмент воздействия. Попытайся она использовать мальчика в своих целях, и отношения – в зависимости от степени серьезности проступка – могли сильно охладеть, прекратиться или прекратить существование самой Авроры.

Заноза уверял, что эта блондинка, лишенная сердца (в буквальном смысле), и наделенная нечеловеческими мозгами, ни за что не совершит ошибки, и поэтому всегда будет получать максимум пользы от хорошего к ней отношения. Занозе Аврора очень нравилась. Он считал ее чудесной сложной машиной и намеревался поддерживать установившееся между ней и Хасаном взаимопонимание до тех пор, пока ледяная красавица не растает и не превратится в обычного вампира.

Аврора, увы, постепенно таяла. Ничего не поделаешь. Чтобы устоять перед чарами Занозы, недостаточно быть машиной; никакой, самый рациональный разум не защитит от искреннего обаяния, а отсутствие сердца не спасет от возрождающейся способности испытывать эмоции. За последнее такие как Аврора готовы были отдать всё – и сердце, и разум, и даже свободу. Заноза в это до сих пор не верил, а, стало быть, не понимал, что сам разрушает то, что ему так нравится. Ну, и хорошо. Потому что понимание ничего не изменило бы. Заноза не может не очаровывать, а Аврора не может не поддаваться чарам, от этого в их взаимоотношениях царит полная гармония, а до неизбежного разрушительного финала еще слишком далеко, чтобы о нем беспокоиться.

К тому же Аврору, которая перестанет быть ледяным компьютером, Заноза может полюбить еще сильнее, чем нынешнюю.

Словом, человеческая жизнь, пусть и в половину не такая насыщенная, как у Авроры или Занозы, стала неотъемлемой частью существования Хасана. Неотъемлемой и отнюдь не самой неприятной. А выход семейства Атли на контакт оказался тем закономерным следствием, кото-

рого Хасан не ожидал, но к которому успел подготовиться. Заноза-то за его семьей – за всеми ветвями раскидистого семейного древа – следил куда тщательнее, чем он сам; был в курсе основных событий, и о том, что Атли разыскивают родственников, всех, включая самых отдаленных, предупредил заранее.

А вот к визиту Майкла они готовы не были. Кто мог предположить, что в династии висконсинских Атли вырастет парень, мечтающий служить в ФБР? Мужчины этой ветви семьи даже под призыв первой очереди не попадали, относились ко второй категории годности к службе, будучи «заняты в военной промышленности».

– Они в ней заняты примерно, как я, – прокомментировал Заноза. – Только... более легально. В основном. Мы даже общаемся время от времени по разным вопросам. Ясное дело, они там понятия не имеют, кто я и что я. Ну и считается, что я про них тоже не знаю.

Он бы и не знал, если б не был собой – крайне любопытным и дотошным гением, углубившимся в раскопки чужой семейной истории.

А бизнес висконсинских Атли стал еще одной причиной визита Майкла в Алаатир. Его отец однажды допустил обмолвку, из которой стало ясно, что он слышал о «Турецкой крепости».

– Упомянул про кавказскую кровь, – так передал обмолвку Заноза со слов Майкла, – мол, кавказские Намик-Карасары, начиная с твоего сына, все – благородные разбойники. Конь, бурка, килич² и незаконные методы защиты угнетенных. Для Майкла последнее – как удар бойком по капсюлю.

– Незаконные методы? – Хасана ошарашила кавказская кровь, но не настолько, чтобы проигнорировать обвинение в нарушении законов.

– Защита угнетенных! Не, ну, сабли он тоже любит, если что.

Некоторое время Хасан размышлял, спрашивать насчет крови или подождать, пока Заноза расскажет сам. Не зря же он провел с Майклом почти всю ночь, наверняка выяснял такие подробности о семейном расследовании, каких не нашел бы сам. Не нашел бы уже потому, что не додумался бы искать кавказские корни. А если Заноза что-то узнал, он этим рано или поздно поделится. Вопрос лишь в том, когда именно.

Заноза же призадумался, стоя перед телевизором – перед безразмерной плазменной панелью, которую он называл телевизором, а Хасан – разрушающим психику шайтан-устройством. Сегодня даже звук был выключен, и мельтешение людей, слов и чисел на поделенном на множество секторов экране не несло вообще никакой информации.

– Почему Кавказ?

– Дискриминация? – мурлыкнул Заноза, разворачиваясь к нему. – По национальному признаку?

– По национальному признаку я дискриминирую только англичан. Они сами напрашиваются. Так что с Кавказом?

– Сын у тебя остался на Кавказе, прикинь? Ты ж там воевал. Фронтовой роман, прекрасная юная черкешенка, всё как в кино, только ты на ней женился. Ну, типа, взял второй женой. В смысле, первой – тебе пятнадцать было, с Хансияр-ханум вы тогда еще даже не познакомились. Но мог бы и второй, ты же турок.

Хасан уже довольно смутно помнил войны, в которых довелось участвовать при жизни. Много их было. А действия Османской империи на Кавказе оставляли желать лучшего, так что вспоминать о них совсем не хотелось. Но жену он не забыл бы, особенно прекрасную и юную. Особенно черкешенку. Учитывая, что воевал-то в Грузии.

– Почему же я не увез ее в Карасар?

– Так она православная!

² Килич – турецкая сабля.

– Черкешенка?

– Ты вот... – Заноза досадливо дернул плечом, – на взлете сбиваешь. Турки крадут в гаремы черкешенок, это всем известно.

Разумеется. Это всем было известно в те времена, когда Заноза еще учился в школе. За двадцать лет до начала Первой мировой.

– Ладно, так почему же я не украл ее в гарем?

– Потому что она была грузинка. Из Батуми или Ардагана. Не воевал ты в Адыгее, негде тебе было черкешенку взять. А грузинку ее зашоренная православная семья в гарем не отпустила. Но когда понадобилось, ты помог им бежать от большевиков и, в конце концов, они все оказались в Англии.

– Почему не в Германии?

– Может, потому, что ты предугадал крушение Веймарской республики и решил не отправлять их в страну с кризисной экономикой? Правда, отправить туда Намика и Сабаха³ тебе это не помешало. Я подумаю. Должна быть какая-то причина, по которой ты или они выбрали Англию. Майкл-то с другой стороны заходил. Он выяснил, чем ты занимался во Вторую мировую...

Это было посильнее кавказской крови. У Хасана, видимо, что-то такое отразилось на лице, потому что Заноза заулыбался во всю пасть и поднял руки:

– Не-не-не, не то, чем ты на самом деле занимался. Майкл узнал из косвенных данных, что ты был участником германского Сопротивления. Но поскольку с «Красной капеллой» ты никак не связан, с кем ты мог сотрудничать, кроме Британии? То есть, не ты конечно, а твой сын, которого Атли считают твоим дедом. Раз его курировали британские власти, значит, он и учился, скорее всего, в Англии. Да и вернулся после войны в Лондон, а не в Берлин и не в Тбилиси. Почему? Потому что Англию считал своей настоящей родиной...

Заноза снова задумался. Извлек из-под комиксов на столике сигареты в измятой пачке и закурил, по-прежнему не отрывая взгляда от Хасана.

– Все довольно причудливо смешивается, знаешь? Если бы отец Майкла не упомянул в связи с тобой о «Турецкой крепости», как о не вполне понятном явлении, Майкл не вернулся бы к тому немногому, что можно выяснить о твоей войне в сороковые. Он ведь отмахнулся от этой информации, когда в первый раз сумел до нее добраться. Потому что источники не заслуживали никакого доверия. Чтобы пользоваться ими, нужно уметь очень хорошо различать правду и вымысел, нужен большой опыт или хорошая интуиция. Майклу всего семнадцать, опыта у него пока немного, но он справился. Он хорошая ищейка, Хасан. Просто отличная, если поднатаскать.

Хасан отметил про себя это отступление от темы. Заноза, с его потребностью делиться знаниями, мог рассказать что угодно о чем угодно любому, кто готов слушать, но говорил всегда по делу. И сейчас речь шла о легенде, которую семья Атли придумала для семьи Намик-Карасар, а не о способностях Майкла Атли собирать сведения о родственниках. Однако зачем-то Заноза упомянул, что парень хорош в поиске информации. Даже, пожалуй, назвал его талантливым. Он ведь явно дал понять, что у Майкла есть интуиция, шестое чувство, нечто, отличающее его от других.

– С головой у него порядок, – продолжал Заноза, – и во всякую необъяснимую хреноту про живых мертвецов, про связь с духами и разное другое упырство он не поверил. Зато поверил, что твой дед командовал в Германии отрядом людей с паранормальными способностями; и в то, что эти способности каким-то образом были инициированы в нацистских лабораториях. У него выбора не было, он не умеет, как я, думать, что если чего-то не может быть, то этого и нет. Он думает, что если что-то есть, то оно должно как-то быть. Вампиры и мистика –

³ Намик и Сабах – сыновья Хасана (см. «Осман»).

явный перебор. Стимуляция клеток мозга и желёз внутренней секреции для активации скрытых возможностей организма – приемлемо. Майкл решил, что костяк первой «Турецкой крепости» сформировался из тех самых людей, и что нынешние твой бойцы – их потомки. А ты – достойный внук своего деда. Думаю, ты огорчишься, когда узнаешь, как хорошо ложатся на эту легенду все слухи, которые про тебя ходят. Мне особенно нравится то, что я ни при чем. Слухи начали ходить еще до того, как ты меня нашел. В те времена не было глобальной информационной помойки, на которой они все оседали бы придонными слоями, поэтому их куда сложнее было найти и почти невозможно проверить. Зато сейчас достаточно минимальной фантазии, вот столечко... – Заноза свел указательный и большой пальцы, показывая, как немного нужно фантазии, – чтоб смертные поняли: что-то не так и с тобой, и с «Крепостью».

Он сунул окуроч в пепельницу и изобразил печальный вздох:

– Только вот, прикинь, у людей нет даже столько фантазии. Ни у кого. И Майкл ни во что сверхъестественное так и не поверил. А ведь он раскопал много баек. Например, о Филиппинах.

При детях недопустимы нецензурные выражения, поэтому Хасан сдержался. Выждал несколько секунд и лишь потом спросил:

– И что же Майкл *раскопал* про Филиппины?

– Он уверен, что это бойцы «Крепости» уничтожили там исламистские гнезда. А знаешь, почему он в этом уверен?

Потому что всё было сделано за одну ночь. Раз уж речь зашла о необъяснимых явлениях, и о том, что Майкл максимально близко для здравомыслящего человека подошел к границе принятия сверхъестественного.

– Очень быстро мы там управились. Пришли и всех убили. Разом.

Прийти и всех убить было не так сложно, как выдержать очередное сражение с семнадцатилеткой, убежденным, что ему самое место в бою с радикальными исламистами. Всякий раз, отказываясь брать Занозу с собой в рейды, Хасан думал, что уж в этот-то раз получится. И всякий раз Заноза отправлялся с ним. События на Балканах показали, что лучше так, чем уезжать тайком, оставляя предприимчивому бритту свободу действий, однако Хасан не собирався втягивать Занозу в человекоубийство. Мальчик безгрешен и чист, как в семнадцать лет и положено, незачем отягощать его душу поступками, которым нет оправданий. Да и свою тоже лучше побережь. Одно дело отвечать перед Аллахом за себя, совсем другое – за ребенка, которого ты вынудил грешить. А уж перед самим собой за такое и вовсе не оправдаться.

В общем, о поездке на Филиппины с Занозой речи не шло. Потом оказалось, что речи не идет о том, чтобы Заноза участвовал непосредственно в рейдах. Потом выяснилось, что участие в рейдах все же подразумевается, но только в качестве прикрытия для Хасана на тот случай, если ситуация слишком обострится.

На этом этапе Хасан спохватился, справился с желанием замотать Занозу в плед и заткнуть ему пасть, чтоб не видеть и не слышать, и прибегнул к непедагогичным и демагогическим приемам.

Которые не сработали.

Ну, а на Филиппинах ситуация слишком обострилась. Воевать пришлось не столько с людьми, сколько с духами, охранявшими заложников. У духов был свой интерес – заложники предназначались им в жертву, и слова Занозы о том, что пара стволов и сабля, если что-то пойдет не так, точно не будут лишними, оказались пророческими. Все пошло настолько не так что в качестве «пары стволов» ему пришлось использовать скорострельные гранатометы. Хорошо еще, что «Турецкая крепость» тщательно прорабатывала любые операции, даже те, что казались самыми простыми, и вмешательство духов не стало неожиданностью.

Какие из филиппинских событий известны Майклу, не хотелось даже думать. Во что Майкл поверил, вот в чем вопрос?

– Мы уничтожили террористов и освободили заложников, – Заноза сделал невинное лицо, – так это выглядит без подробностей. А с подробностями получается, что мы сделали что-то... нечто... появлялись пред очи заложников в ночи, в полной тишине, говорили, что они свободны, отправляли с ними провожатого, чтоб вывел в ближайшую деревню, где есть полицейский участок. И всё это – среди ведьминых огней, колдовских мантр и гор трупов.

Не было там колдовских мантр. Огни были – исламисты, сдавшиеся, бросившие оружие, сгорели живьем, и хорошо еще, что быстро. Трупы тоже были. Но не горы.

Или горы?

Четыреста человек за одну ночь. Не зря Хасан не хотел брать Занозу с собой на Филиппины. Но если бы не взял, дела могли пойти очень скверно. А ведь изначальный план подразумевал убийство командиров и запугивание рядовых бойцов, с тем, чтоб они могли сдаться регулярным войскам. Филиппинские исламисты не отличались особым рвением в бою – лишившись командования, в плен сдавались чаще, чем подрывали на себе пояса смертников. Так случилось бы и в этот раз, если бы не вмешались духи.

– Двадцать лагерей. В каждом в среднем по двадцать убитых. Это не горы трупов.

– Будь их четыреста в одном месте, рейд не выглядел бы сверхъестественным, – резонно возразил Заноза. – Что особенного в том, чтобы накрыть один лагерь одним ударом одной боевой группы? Для Майкла, правда, и это было бы чересчур. Но не из-за тактики, а из-за количества убитых. А тактически в этом случае придаться не к чему.

Он озадаченно покачал головой:

– Хасан, двадцать трупов – это гора. Почему ты так не думаешь, я понимаю, но почему я так не думаю?

Потому что прошел Вторую мировую. Ответ на поверхности. Но Заноза, конечно, говорил не о личной оценке количества убитых, он говорил о том, что не сразу смог переключиться на точку зрения заложников, ставших свидетелями бойни. Или на точку зрения Майкла. Или большинства современных молодых людей.

А это означало, что рейд на Филиппины ничего в нем не испортил и не сломал. Заноза считал, что они все сделали правильно. Так и было. Они все сделали бы правильно, даже если бы сами убили всех исламистов, но до этого не дошло. Им пришлось воевать с духами, а террористов уничтожили ифриты, когда поняли, что заключенный с «Турецкой крепостью» контракт подразумевал не массовое убийство боевиков, а всего лишь освобождение заложников, предназначенных в жертву местным духам.

Будь ифриты подаловиднее, они бы более внимательно отнеслись к контракту на стадии его заключения, а так часть работы им пришлось проделать самим. Впрочем, они были не в претензии.

А «Турецкая крепость» взялась бы и за полную зачистку лагерей, если б ифриты додумались конкретизировать этот пункт договора.

– Ну, да... – пробормотал Заноза, – можно убить и четыреста человек.

– Вон из моей головы, – отозвался Хасан.

Разговор перед рейдом, после того, как Заноза отстоял свое право лететь на Филиппины, он отлично помнил. Помнил, как сказал, что можно убить и четыреста человек. А когда Заноза, в свойственной ему эмоциональной манере, возразил, что это очень много, удивился:

– Так не за один же раз.

Не знал еще, что им придется уложиться за ночь, но дело было не в этом.

В ответ он получил *взгляд*, которым Заноза удостаивал, когда слышал что-то неприемлемое, а то и вовсе невозможное. Не часто такое случалось, но *взгляд* Хасан знал хорошо. Очень уж он был выразительным.

– Я не про тактику, – сказал тогда Заноза. – Черт, почему я за это вот... за это безумие люблю тебя еще больше?

Это было одной из самых главных причин не брать его в рейд. То, что для Занозы количество убитых людей не сводилось к тактике. До сих пор. И если бы любовь нуждалась в объяснениях, Хасан мог бы сказать, что это одна из причин, по которой он любит бешеного британского подкидыша.

– А о том, что случилось с президентом, Майкл знает? – поинтересовался он, готовый к худшему. Проблему с филиппинским президентом удалось решить очень тихо и очень быстро, но он только что выслушал целую речь о необыкновенных поисковых способностях Майкла Атли.

– Только официальную версию. Там «Крепость» не засветилась. Но ты уже понимаешь, к чему я, да? Майкл со средней школы работает над тем, чтоб стать агентом ФБР. Расписал ближайшее будущее по пунктам: армия, колледж, академия в Кус-Бей. Семья его не сказать, чтобы в восторге от того, что он собрался в армию, но мешать не будут. Типа, знаешь, каждый расстается с идеалами в свое время, и нет смысла торопить события.

– Иншалла, – отозвался Хасан без особого, впрочем, чувства. – Если Майкл такой сообразительный, как ты говоришь, он перестал идеализировать ФБР еще в средней школе.

– Ты улавливаешь. Его родители этого пока не поняли, родители никогда не понимают, что у них дети выросли. А Майкл не думает даже, что сможет изнутри изменить ситуацию к лучшему. Но ему восемнадцать, и он продолжает считать, что, став агентом, принесет максимум пользы стране и людям.

И с этим своим желанием приносить пользу, с этой своей верой в то, что польза окажется кому-то нужна, парень нашел «Турецкую крепость». Которая, как ему видится, выполняет ту же работу, что и ФБР – защищает людей и законы, но не замечена при этом ни в ангажированности, ни в коррупции, ни в подтасовке фактов, ни, кстати, в предвзятости в отношении мусульман. Какие из Атли мусульмане, это конечно, вопрос, вероятнее всего – никакие, но они считают себя мусульманами. Заноза сказал бы, что это одно и то же.

– «Крепость» – это семейный бизнес, семейный характер, где к турецкому военному искусству добавилась кавказская вольность и горские представления о чести и справедливости, – Заноза цитировал Майкла, и это должно было звучать смешно и пафосно, но почему-то получилось неплохо. Далеко от истины, но... если исключить Кавказ, может, и ближе, чем казалось на первый взгляд. – И не забывай о свободе действий

– У всех наемников есть свобода действий, для того они и нужны.

– Вы – не «все наемники».

Это так. Без всяких натяжек и исключений. Когда официальные структуры не хотели сами пачкать руки, они обращались за помощью к наемникам. А в «Турецкую крепость» они шли, когда проблемы не решались ни деньгами, ни оружием, ни кровью. Когда проблемы не решались человеческими способами.

– Он сказал, чего хочет?

– Мне-то? Ну, конечно! Или что ты имеешь в виду? Сказал ли он, что хочет делать? Да всё то же: армия, колледж, Кус-Бей, служба в ФБР. Он хочет научиться всему, что может оказаться полезным «Крепости». У тебя нет ни одного бывшего агента, у всех твоих бойцов за плечами только армейская служба и какой-нибудь бакалавриат, Майкл надеется, что его опыт, когда у него будет хоть какой-то опыт, заменит отсутствие паранормальных способностей.

– То есть, на родственные чувства он не рассчитывает?

– А у тебя они есть?

Заноза с ногами забрался на диван, заглянул Хасану в лицо.

Мухтар, оживившись, сунулся к нему, лизнул в ухо. Заноза обнял пса за шею, усадил, и теперь на Хасана смотрели уже две заинтересованные физиономии. Мухтар, сидящий на полу, ростом был вровень с Занозой, сидящим на диване. Обоих это устраивало.

– Очевидно, что у меня они есть, – сказал Хасан.

От ответной улыбки в гостиной даже слегка посветлело. Заноза молча ткнул собаку кулаком в бок, слышал, мол? Это он про нас с тобой. Мухтар положил голову Хасану на колено и замер, прикрыв глаза.

Родственных чувств к Майклу Атли Хасан не испытывал. Равно как и к своим внукам и правнукам. Не потому, что в полной мере стал мертвецом и потерял остатки человечности, а потому, что понял однажды, как далек от него мир, в котором жили самые, казалось бы, близкие люди. Осознание этого – дело давнее – было болезненным и выбило из колеи настолько, что он едва не утратил связи с реальностью. Но один белобрысый английский охламон, разносчик бешенства с подведенными черной тушью глазами, вернул его обратно в мир с необыкновенной легкостью. А сам словно и не понял, что сделал. Может быть, действительно, не понял. Он-то себя никогда не считал реальным.

* * *

В «Крепости» до сих пор не было ни бывших полицейских, ни бывших агентов ФБР, вообще никого из специалистов такого рода. Команда, сформировавшаяся в сороковые, развивалась, училась, оттачивала самые разные навыки, и каждый в ней стоил десятка специальных агентов, но почему бы не включить в состав дневной смены одного настоящего профессионала? Если Майкл с годами не изменит решения, он не будет лишним.

Нельзя сказать, чтобы родственные чувства не играли никакой роли. Хасан их не испытывал, но это не отменяло того факта, что Майкл не чужой. Заноза считал его не чужим. Он уже не упустит парня из виду, больше того, возьмется учить тонкостям поисковой работы и этому... как же оно называется? профайлер? в общем, лезть в головы незнакомых людей и предсказывать их действия или восстанавливать события с их участием тоже научит. В «Крепости» пригодится хорошо обученный выпускник Кус-Бей с опытом армейской службы, которому, к тому же, можно будет доверить часть хлопот ночной смены, раз он все равно почти вплотную подошел к особенностям их работы и тонкостям выполнения задач.

Хасан знал, что планы современных школьников меняются по обстоятельствам, не оказавшим бы ни малейшего влияния на планы их ровесников из прежних времен. Знал, что даже кажущийся проторенным путь для отпрыска хорошей семьи: колледж, университет, работа в семейном бизнесе, может увести в такие дебри, откуда дальше только тюрьма или могила, что уж говорить о замыслах лихих и отважных, вроде службы в армии и ФБР. Он бы выбросил Майкла из головы на ближайшие несколько лет, но приближались свадебные торжества, и Заноза в связи с этим развил бурную деятельность по изучению списка гостей – пятьсот шестьдесят восемь человек, не считая детей – и процеживанию сведений о них через фильтры полезности, бесполезности и безвредности. Тема семейных отношений и общественных обязанностей всплывала каждую ночь в свободное от работы время, и Майкл обычно был на первых полосах.

Как Хасан и предполагал, Заноза сразу начал учить его чему-то, касающемуся наблюдения за людьми. Неким основополагающим началом, которые, как водится, познаются лишь с опытом или с хорошим наставником.

Или с Занозой, который даже не думает ни о каких наставлениях, просто умеет объяснять и под завязку набит интересными историями, иллюстрирующими любой из пунктов его несуществующей учебной программы.

* * *

Турок не был сторонником традиций, скорее наоборот. В конце концов, он поддержал Кемаля, когда тот еще не стал Ататюрком, выступил против многовекового уклада Османской Порты, был среди тех, кто превратил Турцию из теократии в светское государство. Это, правда, положило начало новой традиции, по которой именно военные перевороты стали способом

поддержания в Турции гражданских свобод и демократических ценностей, но, опять же, сам-то Хасан в последующих переворотах не участвовал, лишь присматривал за тем, чтобы в беспорядках не пострадала семья, а значит и традицию не поддерживал. Зато он был «немного консервативен» – о, Заноза обожал эту формулировку, потому что сам не знал, есть ли в ней сарказм – не признавал цифровых технологий, не одобрял телевидения и предпочитал костюмы, пошитые в стилистике сороковых. Он, к слову, еще и не носил ничего, кроме костюмов, но это не от консерватизма, а потому, что с самого детства привык к уставной форме одежды. Как в десять лет в свою тевтонскую военную школу уехал, так до сих пор в армии. Это любые мозги искалечит, и хорошо, что в случае Турка обошлось всего лишь однообразными предпочтениями в одежде. Костюмы ему, надо сказать, чертовски шли, хотя, Заноза бы совсем не возражал, если б мистер Намик-Карасар хоть иногда надевал, например, джинсы. Просто интересно было посмотреть.

Мистер Намик-Карасар... Нет. За именем стоял образ, делавший джинсы решительно невозможными. Только костюмы, маскирующие наплечные кобуры, только пальто, под которым удобно носить саблю, только неброская элегантность сороковых, делавшая Хасана неотразимым. Для женщин. В основном. Ну, то есть, надо понимать, что Лондон и Лос-Анджелес, хоть и лучшие города на Земле, однако имеют свои особенности. Но все равно, в основном – для женщин.

Именно об этом Заноза подумал в первую очередь, когда Хасан предположил, что на свадьбу Эйдана Атли он возьмет с собой Мартина.

Мартин – «доктор Фальконе» в турецкой формулировке, – уже четыре года жил в Юнгбладтире (а еще в Доузе, в своей Москве, на Кариане, на Тарвуде и в Ифэрэнн), и ни в чем себе не отказывал. То есть, вообще ни в чем. Он стал воплощением лучшего, что есть в современном изобразительном искусстве, получил известность как архитектор, дизайнер, художник – это уж само собой; был представлен ко двору Его Величества Ричарда IV, а следом и остальных европейских монархов.

Хасан называл Мартина доктором из-за степени по юриспруденции, полученной в Москве, в другом мире, по правилам российской науки, которые и здесь-то ни на что не походили, а уж в параллельной вселенной должны были быть и вовсе нечеловеческими. Степень доктора четыре года назад полученная Мартином в АИС⁴, самой влиятельной школе искусств в стране, не имела для Турка ни малейшего значения. Для Мартина, что обидно, тоже. Да и пусть их. Все равно прийти на свадьбу с доктором Фальконе стало бы лучшим подарком и гостям, и молодоженам. Хасан примерно это и имел в виду. А еще то, что в компании Мартина Занозе будет интереснее.

Они были слишком разные, чтобы сравнивать, и Заноза не сравнивал. И они были слишком разные, чтобы сойтись ближе, чем сейчас. Тысяча семьсот сорок миль – самое подходящее расстояние, сокращать его не хотели ни Мартин, ни Хасан, ни даже Заноза, хоть ему и приходилось теперь жить на два дома. Когда тысячу семьсот сорок миль преодолеваешь за шесть секунд, необходимых на открытие портала из «Февральской луны» в особняк в Юнгбладтире, что два дома, что один – невелика разница.

В общем, позвать Мартина на свадьбу было отличной мыслью. Но Хасан, как выяснилось, вовсе не собирался брать с собой мисс Виай. Когда Заноза спросил о ней, Турок лишь поднял бровь:

– Предлагаешь привести туда вампира?

Они были втроем. Два упряя и собака. Собака на свадьбу не собиралась, но они двое уже дали официальное согласие, поэтому вопрос прозвучал... как-то странно.

⁴ Art Institute of Chicago – Институт искусств Чикаго.

Хасан тоже это понял. Пару секунд они с Занозой смотрели друг на друга, потом оба решили тему не развивать.

– Из стада кого-нибудь не хочешь позвать? – поинтересовался Заноза дипломатично.

– Нет, – лаконично и предсказуемо ответил Турок.

В таком случае, прийти на свадьбу с Мартином означало сделать Хасана мишенью для всех незамужних дальних родственников, каковых на свадьбе ожидалось двадцать четыре, из них двадцать три – в сопровождении матушек. Заноза, если верить Турку, не слишком разбирался в незамужних юных леди, но уж о матушках он знал всё. Предостережения насчет охотниц за титулами и деньгами сопровождали его с четырнадцати лет, с того времени, как погиб отец. Из этих предостережений следовало, что если потенциальным невестам, по крайней мере, на первых порах, могло не хватать коварства и изощренности, чтобы заманивать женихов в свои тенета, то уж их матери-то были щедро наделены и тем, и другим, и чуть ли не с рождения дочерей оттачивали охотничьи навыки, чтоб довести их до совершенства к моменту выхода дочек в свет.

Сестра над этим смеялась. Она вышла замуж по любви, и тот факт, что у мужа не было ни денег, ни титула, совершенно не беспокоил ни ее, ни, кстати, матушку. Заноза, наверное, только благодаря сестриным насмешкам над материнскими опасениями, до самой смерти и сохранил иллюзии относительно женщин. И после смерти тоже. Хасан, вон, сколько лет уже пытается его убедить, что не все женщины – принцессы. Не все, конечно. Ну, и что? Всё равно все. Они же все особенные.

Сейчас, припомнив материнские наставления и собственный опыт светской жизни... то есть, при жизни-то никакой светской жизни как раз и не было, не дорос... припомнив богатый опыт светского посмертия, Заноза встревожился за Турка так же, как, наверное, матушка тревожилась за него самого. Есть разница между тем, чтобы, имея репутацию убежденного холостяка, выходить в свет с мисс Виай, и тем, чтобы с репутацией убежденного холостяка в одиночку появиться на свадьбе, где все только об этом и думают.

Добавить сюда же пункт о неотразимости Турка в костюме, хотя бы даже и без пистолетов и сабли, и выходит, что идти туда с Мартином никак нельзя.

– Если я приду с Мартином, я испорчу тебе репутацию.

Попытка быть тактичным, да. Заноза это умел. Пытаться – умел. Во всяком случае, не уставал пробовать. Не говорить же открытым текстом: чувак, ты, конечно, взрослый, умный и умеешь обращаться с женщинами, но ты никогда не был объектом охоты. Ты – хищник, и даже близко не представляешь, что такое быть жертвой. Поэтому тебя надо любым способом вывести из сферы матримониальных интересов.

– А если ты придешь без Мартина, – с веселым любопытством уточнил Хасан, – ты мне репутацию не испортишь?

Положа руку на сердце, ну куда ее ещё было портить?

– У меня есть планы на некоторых гостей, – напомнил Заноза. – А если ты будешь один, тебе вздохнуть не дадут, не то, что хотя бы парой слов перекинуться с теми, с кем стоило бы свести знакомство. И ведь ты не дышишь. Если б дышал, вообще бы живым оттуда не вышел. Нет, даже хуже. Если б ты дышал, ты б не вышел оттуда неженатым.

– Ты демонизируешь...

– Кого? Матерей со взрослыми детьми? Да нифига подобного! У вас там до сих пор женят по сговору, а у тебя даже мамы нет, чтоб твои интересы защищать.

Сохранить серьезность Турку не удалось. Он старался, но ничего не вышло. И надо было бы разозлиться, но Хасан так редко смеялся, что Заноза даже почувствовал себя польщенным.

Ясное дело, он не думал, что с его Турком справятся мамочки, сколько бы их ни было, и какими бы они ни были демоническими. Но одолеть, достать, задолбать, не дать прохода они могли, и именно этим занимались бы весь вечер и, что гораздо хуже – еще несколько сле-

дующих лет. Современные коммуникации – это добро, в котором таится ужасное зло. Дочки, кстати, тоже в стороне бы не остались. Раньше, когда браки и впрямь заключались по сговору между матерями, дети хотя бы не проявляли активности, но времена изменились, и предприимчивые турки присовокупили новые традиции к старым. Турецкие девушки давно не прятались от мира на женской половине дома, турецкие парни давно не полагались на матерей в поисках невесты, но турецкие матушки по-прежнему активно устраивали браки отпрыскам обоих полов. А большинство гостей на свадьбу ждали именно из Турции. Семью хоть и разматало по миру, основная ее часть осталась на родине.

– Ладно, – сказал Хасан, – хорошо. Значит, каждый из нас приведет на свадьбу вампира.

ГЛАВА 2

Шестьсот пятьдесят восемь взрослых гостей было для турецкой свадьбы не так и много. Традиции велели приглашать не только родню, но и всех соседей, торжества продолжались три дня и три ночи, а размах зависел исключительно от финансовых возможностей семьи жениха.

Атли решили ограничиться родственниками и самыми близкими друзьями, благо родственников набралось столько, сколько в ином городке не наберется соседей. К традициям они тоже отнеслись без особого пиетета. Традиции, впрочем, и в Турции давно уже не соблюдались, разве что где-нибудь в глуши свадьбы проводились с соблюдением всех сложных правил. И вот там-то, кстати, неженатые мужчины и незамужние женщины подвергались реальной угрозе стать жертвой матримониально-озабоченных доброжелателей. По сравнению с турецкой деревней отель на острове Бивер был местом абсолютно безопасным.

Хасан и Заноза, хоть и получили, как особо почетные гости, приглашение на все трое суток праздника, приехать собирались лишь на один вечер. Последний. На ту часть, которая удовлетворила бы самых взыскательных блюстителей традиций, поскольку включала в себя вечернюю молитву и церемонию бракосочетания в мечети. Хороший обычай – проводить важные обряды после заката.

Из висконсинских Атли в мечети, кроме как на собственной свадьбе, не бывал никто, исключая разве что дедушку и бабушкой. Семья невесты состояла из убежденных атеистов. Включая дедушку с бабушкой. Среди родственников верующих набиралось довольно много, но Заноза не сомневался, что по сравнению с ними Хасан, ни разу после смерти не заглянувший в мечеть и не сотворивший намаза, был мусульманином высочайшей пробы. Он хотя бы и правда верил.

Да какая разница? Обряд есть обряд. Если на молитве будет хотя бы один по-настоящему верующий мусульманин, от этого станет только лучше.

Заноза-то, понятное дело, и близко бы к мечети не подошел. Но от него никто этого и не ждал. Приглашение на молитву и обряд было знаком уважения, данью традиции, пришедшей из тех времен, когда присутствие неверных на празднике не рассматривалось даже как фантастическое допущение.

Уверенности Хасана в своем праве прийти в любой храм любой конфессии Заноза не то, чтоб завидовал, но не раз думал о том, что ему очень не помешало бы научиться так же, без тени сомнения, говорить «Иншалла». Не важно, на каком языке. Не важно, какого бога имея в виду. Просто не помешала бы капелька фатализма, позволяющая думать, будто все в мире происходит так, как задумано, и если ты мертв вот уже восемьдесят пять лет, но так до сих пор и не упокоился, значит, такова воля Аллаха, а твое дело оставаться мертвым и неупокоенным столько, сколько получится.

Это не проклятие, Бог не отвернулся от тебя, Он хочет, чтобы ты делал свою работу наилучшим образом и дал тебе для этого наилучшие возможности.

Для Занозы существование Бога делало мир сверхъестественным, а значит, невозможным. Мир, однако, был реальным, значит Бога, все-таки, не существовало, как не существовало ничего сверхъестественного.

Всё очень просто. Но в церковь не войти.

Ни подготовительная работа на посвященном свадьбе сайте, ни тщательное знакомство с турецкими свадебными традициями, ни даже переписка с Майклом, который в меру сил постарался подготовить калифорнийских гостей к тому, с чем им предстоит столкнуться, но сам, как выяснилось, знал не всё, Занозе не помогли. Перелет до аэродрома Бивер оказался последними тихими часами, а сразу на выходе из аэропорта – зала размером с закусочную для дальнобойщиков – их захватила свадьба. Атли соблюли традиции. Они, может, сами этого не ожидали, они ничего такого не планировали, но о том, чтобы свадьба вышла как надо, позаботились те из приглашенных, кто не считал традиции пережитком.

Гулял весь остров. Все семьсот человек. Даже старики и грудные младенцы, так, по крайней мере, показалось Занозе. От стариков, впрочем, ничего другого и ожидать не приходилось. Кто же на пороге смерти откажется принять участие в пьянке такого масштаба?

В том, что касалось алкоголя, то ли турки сочли традиции неверных достойными внимания, то ли неверные выступили с инициативой, от которой невозможно отказаться, в любом случае, на острове торжествовал мультикультурализм. Третий день торжествовал. Был абсолютным победителем.

Краем глаза Заноза уловил усмешку Хасана. Бросил на своего Турка подозрительный взгляд. Тот уже снова казался серьезным, но кого он мог обмануть?

– Что смешного? – успел спросить Заноза, прежде чем к ним устремилась делегация встречающих.

– Воздаяние, – ответил Хасан. – За все твои клубы разом.

Полуторатысячная многонациональная пьянка в отместку за хорошую музыку и от силы сотню обдолбыхей-меломанов? Конечно! Вот так Турок понимает справедливость.

Заноза пожалел, что никогда не вытаскивал его на рейвы. Впрочем, до турецко-висконсинской свадьбы рейвам было далеко.

Их прибытие само по себе не вызвало бы ажиотажа. Да, они были почетными гостями, да, их ждали, но ждали-то виновники торжества, а не все островитяне от мала до велика. Однако «Эйрион», на котором они прилетели, был первым в истории сверхзвуковым самолетом, совершившим посадку на биверском аэродроме. И на ближайшие лет десять – последним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.